

**Об общности и пересечениях религиозно-философских идей С. Кьеркегора и
Ф.М. Достоевского**

Научный руководитель – Савелова Лилия Владимировна

Железняк Дарья Романовна

Студент (бакалавр)

Северо-Кавказский федеральный университет, Факультет филологии, журналистики и
межкультурной коммуникации, Кафедра отечественной и мировой литературы,
Ставрополь, Россия

E-mail: zheleznyak1999@yandex.ru

С. Кьеркегор и Ф.М. Достоевский - две выдающиеся личности XIX столетия, оказавшие существенное влияние на последующие поколения философов и писателей и имеющие некоторую близость религиозно-философских интенций, выражающуюся главным образом в экзистенциальном осмыслении личности. Мы усматриваем данную схожесть в направленности поисков онтологических основ бытия, а также в характере экзистирования изображаемого ими человека, тоскующего по Богу и ищущего Его.

В философии Кьеркегора для человека главное - найти истину, которая является его собственной индивидуальной истиной, найти идею, ради которой стоит жить и умирать. И находит он это в обретении «подлинного бытия», в парадоксе веры. По Кьеркегору вера - это прыжок в пропасть, совершающийся в условиях абсолютного одиночества перед Богом, в состоянии абсолютного отчаяния, которое есть единственная «болезнь к смерти» и наряду с этим суть единственный путь к этому «прыжку веры». В контексте миропонимания Кьеркегора парадоксальность и абсурдность - это то, без чего невозможно понять Бога, и потому именно Авраам в «Страхе и трепете» называется «отцом веры». «Либо существует парадокс, согласно которому единичный индивид в качестве единичного стоит в абсолютном отношении к абсолюту, либо Авраам погиб» [Кьеркегор 1993: с. 94].

Каждым своим религиозно-философским трактатом датский мыслитель выстраивает определенный путь обретения потерянного «порядка вещей», но, закончив текст, он каждый раз начинает создавать другой, в котором открывает новый путь. Придя к пониманию веры как «выбору себя» и «открытости», то есть некоторой онтологической разомкнутости, Кьеркегор в «Понятии страха» описывает движение к Богу через страх; в Заключительном ненаучном послесловии к «Философским крохам» путь состоит в саморефлексии, выдвигается экзистенция как ключевая, несущая в себе метафизическую цельность категория; в «Болезни к смерти» раскрывается диалектика отчаяния и страха, формирующая внутреннюю реальность личности, а также выдвигается тезис о возможности духовного переворота через демоническое отчаяние, погружение на дно; в итоговом тексте «Упражнения в христианстве» философ говорит о состоянии одновременности со Христом, сопребывание с ним в одной реальности, которое и является верой.

Данная структурно-семантическая особенность работ С. Кьеркегора, заключающаяся в создании определенного категориального аппарата в каждом тексте, созданного для решения ключевого для его философии вопроса: «Как человеку обрести веру?», определенным образом характерна и для творчества Ф.М. Достоевского.

Повесть «Записки из подполья» раскрывает Ф.М. Достоевского как философа, предвосхитившего поэтику экзистенциализма. «Можно ли хоть с самим собой совершенно быть откровенным и не побояться всей правды?» [Достоевский 1973, Т. 5: с. 122] - вопрос, заданный героем, близок теме «открытости» у Кьеркегора. Обретение себя, то есть прыжок

в подлинное бытие через выбор в пользу онтологической «открытости» - то, что датский мыслитель определяет как основу для формирования личности в принципе, «подпольный человек» ставит на место отправной точки собственной саморефлексии.

Роман «Преступление и наказание» открывает вопрос о возможности максимального приближения через максимальное отдаление, об обретении веры после падения, о принятии Истины через крайность. Кьеркегор пишет: «... бесконечное превосходство потенциального над реальным как раз и служит здесь мерой падения. Похоже, что подниматься - это не быть отчаявшимся» [Кьеркегор 2014: с. 31]. Но приобрел ли Родион Раскольников веру? Или, по крайней мере, есть ли у него такая возможность? На эти вопросы в тексте нет прямого ответа.

Сложен для понимания образ князя Мышкина, который является, конечно, «положительно прекрасным человеком», но становится ли он в конце концов образцом для подражания? И имеет ли он веру? Ту веру, которая «ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то» [Достоевский 1973, Т. 8: с. 184]. Мышкин - глубоко экзистенциальный герой: личность одинокая, страдающая от саморефлексии и отсутствия почвы под ногами, метущаяся и тоскующая по «порядку вещей». В диалоге с Рогожиным он повествует о человеке, зарезавшем приятеля из-за часов, но при том с крестным знамением и молитвой. Вот он - абсурд, о котором писал Кьеркегор, вот - парадокс; но верит ли князь?

Духовный роман-трагедия «Бесы» - это еще один корпус неразрешимых вопросов. Безверье, порожденное страхом и отчаянием, заполняет практически всё метафизическое пространство текста. Исходя из ранее уже приводимых тезисов датского философа, Ставрогин имел возможность спастись, на что указывает вырванная глава «У Тихона». Он стремился к самому себе, а «отчаяние, когда желают быть собою, - самое насыщенное и сгущенное из всех...» [Кьеркегор 2014: с. 92]; он мог совершить «прыжок веры», ибо был в состоянии демонического отчаяния, но вместо того он, духовно погибнув, обрел истинную «болезнь к смерти» и умер физически.

Возникает вопрос: «А возможно ли вообще верить?», можно ли «преодолевая конечность плоти, ... соприкоснуться с бесконечностью, с богом» [Коссак 1980: с. 55] в том идейном пространстве текстов-трагедий, созданных и Достоевским, и Кьеркегором?

Оба исследуемых автора создают ряд крупных текстов, в которых воссоздаются пути обретения Бога. Но как каждое произведение Достоевского оставляет некоторую недосказанность, так и трактаты Кьеркегора один за другим отвечают на главные вопросы, а потом снова их задают. Данные нами выводы дают возможность увидеть новые пути в изучении трудов великого русского писателя и уникального датского философа на пересечении их религиозно-философских идей.

Источники и литература

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.] Т. 1-30. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972-1990.
2. Коссак Е. Экзистенциализм в философии и литературе: Пер. с польск.- М.: Политиздат, 1980. - 360 с.
3. Кьеркегор С. Болезнь к смерти / Пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. — 2-е изд. — М.: Академический проект, 2014. — 160 с.
4. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993.- 109 с.